Восток, Запад и ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

THE EAST, THE WEST, AND THE WORLD HISTORY

© 2021 **Алексей Леонидович Рябинин***

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Истории стран Восточной Азии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН) ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; rjabinin50@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Alexey L. Ryabinin

DSc (History), Professor, Chair of the History of East Asian Countries Department, State Academic University for the Humanities (GAUGN); Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rjabinin50@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Автор посвящает статью важному вопросу развития человеческой цивилизации, рассматривая, какой вклад внес Восток в многовековую эволюцию социума, подчеркивая, что, несмотря на скромное внимание к странам Востока в учебниках Всемирной истории, именно «восточный» путь развития, заложенный великими деспотиям: Древней Месопотамией, Древним Египтом, Древней Индией, Древним Китаем и был магистральным путем развития человечества. Ведь, согласно статье, «западный путь» появился не сразу и в самой Европе: и минойская, и микенская

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Греция развивались по восточному пути, и только в Гомеровской Греции начали зарождаться черты «западного» развития, более четко проявившиеся в архаической Греции. Автор приходит к выводу, что подобный «западный путь» появился в результате исторической случайности — стечения благоприятных обстоятельств. Стремясь доказать эту точку зрения, автор обращается к сходствам восточного и западного путей развития, подкрепляя их примерами из истории Древней Месопотамии, Древнего Египта, Древнего Китая. На древнекитайскую модель государственности автор обращает особое внимание, так как видит в ней особый вид трансформации высшей власти. Многие ученые фиксируют наличие в Древнем Китае в VIII–VII вв. до н. э. социально-политической и политико-административной системы, типологически сходной с той, которая существовала в Западной Европе в XI–XIII вв. Автор задается вопросом: «Почему эта социально-политическая и политико-административная система в Древнем Китае прекратила существование?». К VIII–VII вв. в китайской государственной практике за время противостояния варварам была выработана новая модель политической системы и мобилизационной экономики, не позволявшей китайскому обществу «расслабиться», перестроиться и избежать формата деспотического режима. По мысли автора, понятие «феодализм» в плане отношений внутри господствующего слоя не принадлежит только Западной Европе. «Феодализм» как систему вассально-ленных отношений, например, можно наблюдать и в некоторых областях Индии. Соответственно, уникальность европейского пути развития политических систем заключается не в демократичности, а в чем-то ином. В статье подчеркивается, что эта особенность состоит в приоритете связи с рынком состоятельных людей. Именно эти люди и определяли основное направление развития античного общества и в Классической Греции, и в Республиканском Риме.

Ключевые слова: Восток и Запад, всемирная история, феодализм на Востоке, древнекитайская модель государственности, Древняя Месопотамия, «греческое чудо»

Для цитирования: Рябинин А. Л. Восток, Запад и всемирная история. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 57–68. DOI 10.18254/S268684310017999-6

The author raises in the article an important question of human civilization development: what contribution the East has made to the centuries-long evolution of society. The author emphasizes that, despite the low attention to the countries of the East in the World History books, it was the “Eastern” way that laid down by the great despotisms: Ancient Mesopotamia, Ancient Egypt, Ancient India, Ancient China, and was the main way of human development. Indeed the “Western path” did not appear immediately in Europe itself: both Minoan and Mycenaean Greece developed along the Eastern path, and only in Homeric Greece did the features of “Western” development begin to emerge, more clearly manifested in archaic Greece. The author concludes that such a “Western” emerged as a result of historical coincidence. The author turns to the similarities between the Eastern and Western paths of development, reinforcing them with examples from the history of Ancient Mesopotamia, Ancient Egypt, and Ancient China. The author pays special attention to the ancient Chinese model of statehood as a special kind of transformation of the supreme power. Many scholars record the presence in Ancient China in the 8th–7th centuries B.C. of the socio-political and political-administrative system typologically like the one that existed in Western Europe in the 11th–13th centuries. Ryabinin asks the question: “Why did this socio-political and politico-administrative system in Ancient China cease to exist?”. By the 8th–7th centuries, the Chinese state practice during the time of confrontation with the barbarians developed a new model of the political system and mobilization economy which did not allow the Chinese society to rebuild and avoid the format of a despotic regime. According to the author, the concept of “feudalism” in terms of relations within the ruling stratum does not belong exclusively to

Western Europe. "Feudalism" as a system of vassal-loyal relations, for example, can also be observed in certain areas of India. Accordingly, the uniqueness of the European way of developing political systems lies not in democracy but something else. The paper emphasizes that this peculiarity is the priority of the wealthy people associated primarily with the market. It was those people who determined the main direction of the development of ancient society both in Classical Greece and in Republican Rome.

Keywords: East and West, World history, feudalism in the East, ancient Chinese model of statehood, Ancient Mesopotamia, "the greek miracle"

Для цитирования: Alexey L. Ryabinin. The East, the West, and the World History. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 57–68. DOI 10.18254/S268684310017999-6

Еще совсем недавно историческое развитие Востока воспринималось как некая маргиналия. Подобный подход и в настоящее время зафиксирован в учебниках по Всемирной истории: подробное описание античной Европы, средневековой Европы, централизованных государств Западной Европы (Испании, Португалии, Англии, Франции), отдельно выделяется история Священной Римской империи германской нации, буржуазных революций (нидерландской, английской, французской), национальных государств Западной Европы, потом — Америки. Затем представляется история России (в зависимости от формата издания ей уделяется большее или меньшее место). И наконец, совсем немного внимания уделяется Востоку: Древняя Месопотамия, Древний Египет, Древняя Индии, Древний Китай, затем средневековые страны Востока, колониализм (подвергающийся всемерному поруганию) и, наконец, современный Восток. Истории Востока с древности до наших дней уделяется значительно меньше внимания, чем, например, Франции и при этом весь курс называется «Всемирная история».

Узнать что-либо путное об истории Востока из такого курса невозможно¹. Если вы хотите расширить представления о Востоке, — пожалуйста, у нас есть отдельные учебники из серии «История стран Азии и Африки» (см., например: [Новая история стран Азии и Африки, 2017]). Но это уже не «Всемирная история», в которой развитие Востока считается, повторяю, маргинальным.

На самом же деле, именно «восточный» путь развития, заложенный великими деспотиям: Древней Месопотамией, Древним Египтом, Древней Индией, Древним Китаем и был магистральным путем развития человечества. «Западный путь» появился далеко не сразу и в самой Европе: и минойская, и микенская Греция, т. е. «цивилизации дворцов», развивались по восточному пути, и только в Гомеровской Греции начали зарождаться черты «западного» развития, более четко проявившиеся в архаической Греции (различие между городом-полисом и сельской местностью). Наиболее четко эти черты проявились уже в Классической Греции, давшей миру образцы демократии и структурирования общества по имущественному принципу. Сложение подобного «западного пути» действительно случайность, стечение чрезвычайно благоприятных обстоятельств.

Западу и в дальнейшем очень повезло: по сравнению с Востоком, он развивался в тепличных условиях. Если представить, что нашествие персов под руководством Дария случилось не в начале пятого, а веком раньше, грекам вряд ли удалось бы его отбить, а если бы и удалось, то Солон вряд ли осуществил бы реформы и мир никогда бы не узнал варианта общества, стратифицированного по имущественному принципу, как это произошло в Афинах.

В дальнейшем, после завершения периода античности, после Великого переселения народов и короткого периода борьбы с кочевниками

¹ Единственным исключением является последний российский выпуск «Всемирной истории»: [Всемирная история... Т. I, 2011].

(последние из них, мажарские племена венгров, были разбиты Оттоном I в битве при реке Лех в 955 г.), Западная Европа продолжала эволюционировать в состоянии относительного покоя: она не сталкивалась с крупными «варварскими» вторжениями, с нападениями кочевников, способных стереть с лица земли целые города и страны. В результате именно в Западной Европе, и более нигде, появились свободные города, сам воздух которых делал прежде зависимого крестьянина свободным (через 1 год и 1 день проживания), свободные ремесленные цеха и свободные торговые гильдии, наконец, парламенты с представительством не только феодалов (светских и духовных), но и горожан.

Эволюция стран Востока и Запада: сходства путей развития

Древняя Месопотамия и Древний Египет

Попытаемся все же отыскать в развитии стран Востока некоторые сходства с эволюцией стран Запада. Прежде всего обратим внимание на те варианты развития древних обществ, в которых были заложены возможности «невосточного», то есть, «западного пути» развития. На мой взгляд, это прежде всего, **ном Лагаш в Древней Месопотамии**, где *энси* (жрец) **Энентарзи** соединил земли бога Нингирсу, богини Бабы и их богов-детей Игалины и Шульшаганы, и объединил их в единое целое с «государственными»² землями, превратив Энентарзи в фактического собственника более половины всей земли Лагаша.

В результате Энентарзи упразднил должности многих прежних жрецов и управлять храмовыми землями стали новые слуги энси, полностью от него зависимые, которые также взымали подати с прежних мелких жрецов и крестьян, «сидевших» на храмовых землях. В то же время возрос уровень эксплуатации общинников, ко-

торые отныне должны были вносить большие подати, значительно увеличившиеся в связи с разбуханием «государственного» аппарата. То есть, и уровень «государственной» эксплуатации при правлении Энентарзи, и уровень и политической концентрации (будем называть его **уровнем деспотизации**) власти в Лагаше, значительно увеличились.

Жители Лагаша не могли вынести подобного уровня экономической эксплуатации и политической концентрации. Поэтому через некоторое время после правления преемника Энентарзи по имени **Лугальанда**, свергнутого, по-видимому, народным собранием Лагаша, тем же народным собранием был избран **Уруинимгина**, получивший властные полномочия лугаля (светского правителя). Уруинимгина осуществил контрреформы, цель которых была отмена всех распоряжений Энентарзи и восстановление традиционного уровня государственной экономической эксплуатации и прежний уровень концентрации (деспотизации) власти:

- Земледельческие поля, принадлежавшие божествам Нингирсу, Бабе, Игалине и Шульшагане, теперь входили в государственный земельный фонд, изымались из этого фонда и вновь приписывались к храмам соответствующих божеств
- Отменялись дополнительные поборы, введенные Энентарзи для обеспечения возросшего «государственного» аппарата
- Обеспечивалось материальное положение младшего жречества и некоторой части зависимых в храмовых хозяйствах
- Отменялись долговые сделки.

Контрреформы Уруинимгины встретили серьезное сопротивление: реального изъятия земель храмовых хозяйств четырех божеств из «государственной» собственности так и не произошло; вся новая администрация, учрежденная Энентарзи, так и осталась на местах [*История Востока...* Т. 1, 1997, с. 55]. Хотя контррефор-

2 Слово «государственный» я ставлю в кавычки, так как в полной мере не могу считать такую политику, как Лагаш, государством, ибо должность правителя, как мы увидим далее, носила не формальный, а реально выборный характер.

мы Уруинимгина так и не достигли цели, они имели ярко выраженный «антидеспотический» характер и были задуманы как инструмент, снижающий уровень «государственной» экономической эксплуатации и «деспотизации» власти. Комплекс реформ Энентарзи, контрреформы Уруинимгины, равно как и сопротивление контрреформам серьезно ослабили Лагаш. Не случайно вскоре это сильное государство потерпело **поражение от Лугальзагеси**, правившего остальной частью юга Нижней Месопотамии [*История Востока...* Т. 1, 1997, с. 55–56].

В полной мере о сложившемся государстве в Месопотамии мы можем говорить лишь со времени правления **Саргона Древнего**, фактически завоевавшего Месопотамию, что дало ему возможность относиться к захваченным землям как к военной добыче. Поэтому Саргон смог превратить энси в чиновников, создав тем самым зависящий лично от него государственный аппарат, а представителей знатных родов держал у себя в заложниках [*История Востока...* Т. 1, 1997, с. 58]. Впрочем, Саргон так до конца и не мог подчинить Месопотамию: уже при его жизни городские старейшины поднимали мятежи, а его **наследнику Римушу** пришлось перезаевывать земли, покоренные отцом, и делал он это с особой жестокостью, уничтожив десятки тысяч жителей Месопотамии. Воспользовавшись террором, развернутым Римушем, его брат Маништуту, стремясь как можно больше увеличить фонд государственных земель, скупал у месопотамских городов земли по принудительно низким ценам [*История Востока...* Т. 1, 1997, с. 58–60].

Саргон и Римуш, с одной стороны, и Маништуту, с другой, решали разные задачи: первые укрепляли государственную власть, продвигая ее к уровню деспотизации и тем самым устанавливая государственную собственность на земли всей Месопотамии, второй же максимально увеличивал фонд непосредственно принадлежащей и управляемой государством земли.

Что касается первой задачи, то при первых саргонидеях она так и не была выполнена до конца. Не до конца она была решена и при племяннике (возможно, сыне) Маништуту, **Нарам-Суэне**, который, впрочем, резко продвинулся вперед в уровне деспотизации власти. Перестав употреблять старые обозначения религиозных и светских правителей («энси» и «лугаль»), Нарам-Суэн объявил себя «Царем четырех сторон света», назначая на должности полностью подчиненных городов либо ближайших родственников, либо чиновников.

Мощным наступлением на «гражданское общество» Месопотамии было присвоение Нарам-Суэном еще при жизни статуса бога, чего до него не делал ни один из месопотамских правителей³. Но апофеозом деспотизации власти в Месопотамии явилось правление царей **III династии Ура**, создавших государство под названием «Царство Шумера и Аккада» — «наиболее типичное древневосточное бюрократическое государство» [*История Востока...* Т. 1, 1997, с. 63]. Вся территория «Царства Шумера и Аккада» была разделена на округа, возглавляемые чиновниками, по усмотрению центральной администрации назначавшимися в различные места государства. Царской администрации подчинялись, по всей видимости, также и те общинники, ведущие хозяйство вне непосредственно управляемых государственных земель. Сила деспотической власти в государстве III династии Ура была столь велика, что оно могло запретить не только частные земли, но и любую частную деятельность, и контролировать выполнение запрета. Даже купцы превратились в государственных торговых агентов. В стране не функционировали народные собрания, из всех институтов, помимо государственных, сохранился лишь общинный суд [*История Востока...* Т. 1, 1997, с. 64].

Очевидно, степень деспотизации власти правившего в 2236–2200 гг. до н. э. Нарам-Суэна, (тем более, царей III династии Ура; 2111–2003),

3 До Нарам-Суэна саргониды объявлялись богами только после смерти.

приближалась к уровню деспотизации власти фараонов Древнего Царства (XVIII–XXIII вв. до н. э.). То есть процесс деспотизации власти в Месопотамии по сравнению с Древним Египтом запаздывал приблизительно на полтысячелетия лет.

В отличие от Древнего Египта, Древняя Месопотамия дает нам уникально подробный исторический материал для исследования процесса эволюции власти *энси* (жреца) и *лугаля* (светского правителя, военачальника), зависимой от Народного Собрания и Совета Старейшин, в сторону власти значительно более деспотичного гегемона-лугаля, достаточно самовластного правителя при первых саргонидях и, наконец, «царя четырех стран света» при Нарам-Суэне. Процесс деспотизации власти имеет нелинейный характер, сопровождается быстрым «забеганием вперед» и временным «отходом назад», как мы видели из анализа реформы Энентарзи и контрреформы Уруинимгины.

Что же касается Древнего Египта, то там фараон-бог, как «черт из табакерки», появляется почти в самом начале письменной истории. Возникновение такого «фараона-бога» с определенной степенью надежности можно отнести ко времени Древнего Царства (XVIII–XXIII вв. до н. э.), а, возможно, даже и Раннего Царства (3000–2800 гг. до н. э.).

Древний Китай

Особый вид трансформации высшей власти представляет собой древнекитайская модель государственности. Во главе государства Шан-Инь (около 1300–1027 гг. до н. э.) стоял *ван*, обладавший как высшими жреческими (религиозными), так и высшими светскими полномочиями. При этом с течением времени статус правителя Шан-Инь претерпевал значительные изменения, что отражало эволюцию его властных полномочий. Если до У-дина (1253–1195 гг. до н. э.) храмовые имена шанских правителей обозначались при помощи циклического знака, к которому прибавлялось определения Великий, Малый, Верхний, то, начиная с У-дина к цикли-

ческому знаку присовокупляются совсем другие обозначения: «воинственный» (*у*) и «предок» (*цзу*). Что же касается последних двух ванов из династии Шан-Инь, Ди-и (1096–1060 гг. до н. э.) и Ди-Синя (1059–1027), то оба эти правителя, долго правившие Северным Китаем, обозначали себя уже знаком *ди* — Владыка, что в шанских надписях атрибуирует высшее божество.

Российские историки Д. В. Деопики и М. Ю. Ульянов справедливо полагают, что «присвоение этого титула (*ди* — Владыка. — А. Р.), возможно, отразило изменение не только формального статуса шанских государей, но и реального содержания их власти» [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 610]. По-видимому, не только знак божества свидетельствует об укреплении власти последних двух шанских правителей. Об этом говорит также и продолжительность правления обоих государей: Ди-и — 37 лет, и Ди-синя — 33 года. Об укреплении власти Ди-и свидетельствует и то, что он сумел посадить на трон младшего сына, а не старшего, то есть, решил вопрос престолонаследия самостоятельно [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 643].

В сменившем правление династии Шан-Инь государстве Западное Чжоу (1027–771) в связи со значительным расширением границ этой политики, выходявшей далеко за пределы Шан-Инь, правитель-ван почти сразу же потерял возможность непосредственного управления территорией страны за пределами собственного «домена» (*бана* Чжоу). При этом статус *вана* в качестве «Сына Неба» манифестировал его сакральную власть, распространяемую в границах так называемой Поднебесной — территории проживания *хуася*, ограниченной средним течением Янцзы, Великой равниной и западной частью Шаньдуна [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 671]. Фактически *ван*, исполнявший религиозные ритуалы и поначалу координировавший отношения между главами «владений» [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 671], эволюционировавших сначала в княжества, а потом и в мощные царства, превратился в «Папу Римского» Древнего

Китай. Сакральная власть *вана* была очень нужна окружающим *бан* Чжоу политиям: недаром она продержалась около 800 лет и закончила существование незадолго до образования первой китайской империи Цинь.

Политическая система, созданная в Восточном Чжоу, и состоящая из «владений» (впоследствии — княжеств и царств), правители которых наделялись титулами знатности (*цзюэ*), «сформировала *иерархическую модель* (выделено мной. — А. Р.) соподчиненности родовой знати, которую синологи-обществоведы в XIX и даже XX в. несколько прямолинейно сопоставляли с феодализмом в средневековой Европе» [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 671–672].

Действительно, некоторые ученые, такие, как Фань Вэньлань и Цзянь Боцзянь, рассматривали следующий после Западного Чжоу период китайской истории под названием «Чуньцю» (春秋; «Весны и осени»; первая часть Восточного Чжоу; 771 – середина V в.) как «феодальный». При этом «феодализм» они понимали в марксистском духе как социально-экономическую формацию. В советской и российской синологии концепции «феодализма» в Древнем Китае придерживался Л. С. Васильев, рассматривавший его не в плане марксистских догм, а как социально-политическую и политико-административную организацию древнекитайского государства. Васильев пишет о появлении в крупнейшем древнекитайском царстве Цзинь в VIII в. до н. э. первых уделов, которые затем возникли также в царствах Ци, Лу и т. д., характеризуя эти уделы как «жесткие структуры феодально-кланового типа, в каждой из которых глава клана, титулованный аристократ (имевший титул *цин*) был всесильным властителем» [Васильев, 1998, с. 182]. Ниже *цинов* стояли *дафу*, которые, в отличие от *цинов*, не имели земельных владений и зарабатывали на жизнь военной службой. Наконец, последнюю ступень в социально-политической иерархии занимали хорошо образованные *ши*, готовые идти на службу за плату, но не в виде униженной при-

слуги, а в качестве уважаемого вассала [Васильев, 1998, с. 182–183]. Таким образом, многие ученые фиксируют наличие в Древнем Китае в VIII–VII вв. до н. э. социально-политической и политико-административной системы, типологически сходной с той, которая существовала в Западной Европе в XI–XIII вв.

Почему же описанная социально-политическая и политико-административная система в Древнем Китае прекратила существование? Почему с конца VII в. – начала VI в. до н. э. в древнекитайских царствах перестают жаловать уделы, а вместо них предоставляют «условные должностные владения, исчисляемые точно определенным количеством поселений или дворов-домохозяйств, доход с которых становится жалованием за службу или наградой за подвиги и успехи» [Васильев, 1998, с. 184]? Почему вместо уделов в непосредственно управляемых царских землях правители стали создавать систему уездов, руководить которыми назначались чиновники, полностью зависящие от царской власти? Почему система уездов, начавшаяся создаваться в конце VII в. в царствах Цзинь и Чу, в VI в. получила повсеместное распространение в Древнем Китае? Почему система уездов стала вводиться даже в уделах, да и сами уделы стали расформировываться и превращаться в уезды или группы уездов, всецело подчиненные центральной царской администрации [Васильев, 1998, с. 185]? Попробуем ответить на эти вопросы.

Конец процессу феодализации или децентрализации власти в древнекитайских царствах периода Чуньцю был положен в связи с возникшей в середине VII в. до н. э. очень серьезной внешней опасностью для общности «государств *хуася*». В значительной степени именно в связи с этим в 679 г. правитель царства Ци **Хуань-гун** (685–643 гг. до н. э.), искушенный политический деятель, победивший в борьбе за трон брата, пригласил на съезд правителей ряда царств и добился присвоения себе некоторых полномочий чжоуского вана: он получил право созывать на съезд правителей чжоуских царств

и считаться **гегемоном (ба)** «чжоуского мира». Важно, что официально были объявлены две задачи, стоявшие перед гегемоном: почитание вана и **отпор «варварам»** [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 774–775].

Если первая задача носила ритуально-комплиментарный характер и являла собой дань уважения к уже давно бессильному и лишь формальному главе чжоуских царств, то вторая цель оказалась чрезвычайно актуальной. Действительно, чжоуский мир готовился к встрече с «варварами», причем как на севере, так и на юге, ибо царство Чу, не входящее в «общность хуася», также воспринималось чжоусцами как варварское.

Хуань-гун стал чжоуским гегемоном очень вовремя. На следующий (678-й) год царство Чу напало на царство Чжэн, и это было только начало. С 60-х гг. VII в. до н. э. в дополнение к атакам с юга (в 666 г. чусцы снова вторглись в Чжэн) на чжоусцев начали нападать северные варвары-номады: в 663 г. по граничащему со Степью царству Янь нанесли удар шаньжуны. Вот тут-то Янь и пригодились союзнические отношения, заключенные с новым гегемоном: яньцы немедленно обратились к царству Ци, и Хуань-гун, оправдывая статус гегемона, напал на *шаньжунов*. Он действовал настолько успешно, что прогнал варваров далеко на север, до территории современного Автономного района Внутренняя Монголия [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 774–776].

В 660 г. до н. э. «варвары»-номады *ди* с северо-запада напали на царства Син и Вэй, полностью разгромив последнее и убив его правителя. В том же году наследник правителя царства Цзинь по имени Шэнь Шэн атаковал варварское племя *чиди*. Через два года в противостояние с кочевниками-жунами вступил правитель царства Го [*История Китая с древнейших времен...* Т. 1, 2016, с. 776].

Выполняя функции гегемона, Хуань-гун в том же 658 г. оказал помощь царству Вэй, построил для него новую столицу и посадил туда нового правителя, придал ему охрану, а затем принял

готовить поход на юг против царства Чу. Собирая коалицию античуских государств, Хуань-гун собрал съезд, специально пригласив на него правителей государств, находившихся в приграничной полосе между зонами влияния царства Чу и землями *хуася* в верховьях Хуайхэ [*История Китая с древнейших времен...* 2016, с. 776].

Таким образом, в середине VII в. до н. э. в Древнем Китае сформировалась зона противостояния чжоуского мира, где реальную власть осуществлял гегемон, с одной стороны, южной зоне, в которой все большее влияние приобретал ван царства Чу [*История Китая с древнейших времен...* 2016, с. 774–775], а с другой стороны — северной зоне, где обитали кочевники. В такой ситуации, будучи зажатым с двух сторон очень сильными противниками, номадами и чусцами, чжоуским царствам было не до децентрализации и «феодализма». Необходимо было именно централизованным путем собирать силы и создавать мобилизационную экономику. Этот процесс занял более четырех веков и закончился образованием общекитайской империи под управлением династии Цинь.

Китайское государство никогда более не доходило до того уровня «феодализации», который мы наблюдаем в Древнем Китае в VIII–VII вв. до н. э. Ранее этого не происходило даже в периоды распада общекитайских империй, во времена Троецарствия или Темных веков, начавшихся с образования государства Восточная Цзинь и до образования империи Суй, в период поздней империи Тан и до империи Сун, несмотря на существенный уровень децентрализации. Но к VIII–VII вв. в китайской государственной практике за время противостояния варварам уже была выработана модель политической системы и мобилизационной экономики, не позволявшей китайскому обществу «расслабиться», перестроиться и избежать формата деспотического режима.

ФЕОДАЛИЗМ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕНОМЕН?

Понятие «феодализм» в плане отношений внутри господствующего слоя (а не между вла-

дельцами земли и крестьянами, «сидящими» на господской земле) не принадлежит только Западной Европе. «Феодализм» как систему вассально-ленных отношений можно наблюдать и в некоторых областях Индии, например, в Раджпутане [*История Востока...* Т. 2, 1995, с. 140–141]. Подобные отношения возникают, когда государство не испытывают мощного внешнего давления, сопоставимого с угрозой существованию общества, или когда некая политика представляет собой военный субъект, активно захватывающий соседние территории и рассаживающий на этих территориях элиту в качестве господствующего слоя — когда государство и общество либо могут «расслабиться», либо пользуются благами завоеванных народов, на территории которых размещают элиту. Как видно, такие ситуации возникают в Древнем Китае VIII–VII вв. до н. э. и через некоторое время претерпевают существенные изменения при появлении чрезвычайной внешней угрозы. Подобные ситуации появляются и при захвате Северной Индии в VIII в. раджутами, впоследствии рьяно отстаивавшими самостоятельность перед лицом агрессии как со стороны Делийского султаната, так со стороны империи Великих Моголов.

По-видимому, Западной Европе просто повезло: в течение большей части своей истории она развивалась в тепличных условиях, не будучи подверженной серьезному внешнему давлению. Но если хорошо поискать, то некоторые характерные для Западной Европы явления мы можем обнаружить и на других континентах — в Азии и Африке.

В этом смысле на Востоке мы можем обнаружить аналоги такому явлению, как, например, «греческое чудо», которое с общеизвестной точки зрения представляет собой «классическую античность». В связи с этим позволю себе обратиться к статье А. В. Коротаева «Горы и демократия: Представление» [Korotaev, 1996]. Опираясь на конкретный исторический материал, А. В. Коротаев соотносит политическую систему древних греков с аналогичными систе-

мами древних горцев Йемена, средневековых швейцарцев и басков, современных горных общин Албании и Черногории, вольных обществ Кавказа, некоторых горцев Афганистана, народа апатани в горном Ассаме, общин гумлао в горном бирманском штате Качин, берберов Атласа и ифугао на Филиппинах [Korotaev, 1996, p. 61–62].

«Общим знаменателем» всех этих горных политий Коротаев считает «относительную (по отношению к «равнинным» политиям) «задержку» процессов политической централизации по сравнению с процессами общей культурной эволюции», то есть, «более низкий уровень политической централизации» или «более высокий уровень политической автономии» [Korotaev, 1996, p. 62]. Второй важной характеристикой «общего горного знаменателя» Коротаев [1996, p. 62] считает «относительную демократичность горных политий». Он полагает, что в процессе политической эволюции в высокогорьях первобытная демократия не исчезает и не приходит в упадок, а развивается и выходит за пределы «примитивности». В результате в некоторых горных общинах (естественно, не во всех) развиваются политические структуры, напоминающие структуры классического полиса.

Российский этнолог и политический антрополог М. А. Аглаков, исследуя политическую организацию крупных общин (джамаатов) в Нагорном Дагестане XVII–XIX вв., приходит к выводу о сходстве их наиболее важных характеристик. Аглаков отмечает, что высокогорная «дагестанская община представляла собой ... тип общины, которая спонтанно, самодовлеюще развивалась в самоуправляемое микрополитическое образование, являвшееся звеном, а не низшей ячейкой общества. Такая община целиком выстраивала военные, правовые и политические функции, как и классы, включая общинную знать, а иногда и феодальные сословия в единый общинный организм с гражданским самоуправлением... Публичная власть была крайне упрощена, ее отправляли больше как гражданскую повинность (несогласных быть

избранными в правители принуждали, в случае отказа наказывали крупными штрафами), без специальной оплаты, хотя и предоставлялись определенные привилегии (освобождение от общественных работ и т. д.)» [Агларов, 2014, р. 255–258].

Следует отметить, что такие **общины-джамааты**, «вольные общества», были очень сильны. К примеру, **Надир-шах** в 1739 г. совершил знаменитый поход в Индию, во время которого захватил столь огромную добычу, что это позволило ему освободить все население Ирана от налогов на три года. На следующий 1740 г. шах организовал поход в Дагестан против «вольных обществ». Этот поход стал началом конца долготы непобедимого шаха: в 1740 г. он потерял брата, Ибрагим-хана, разгромленного войсками «вольных обществ». В 1743 г. Надир-шах лично отправился в Нагорный Дагестан, но так же, как и Ибрагим, потерпел поражение [*История Востока...* Т. 2. 1995, р. 442–443].

Типологическое сходство политических систем высокогорных дагестанских политий если не с таким эгейскими полисами, как Афины и Милет, то с более «примитивными» (и гораздо более многочисленными) полисами Аркадии, Фокиды, Локриса, Ахейского союза, дало возможность Коротаеву раскритиковать так называемую «**перевернутую пятичленку**», которая, как он полагает (в отличие от марксистской «пятичленки», настаивавшей на сущностном тождестве развития Востока и Запада) столь же жестко декретировала существенные различия развития Востока и Запада, стараясь не замечать столь же существенных сходств эволюции Востока и Запада [Korotaev, 1996, р. 60–61].

А. В. Коротаев совершенно не согласен с утверждением Л. С. Васильева об уникальности западного пути развития политических систем, то есть, с тем, что возникновение этого пути — социальная мутация, а именно — случайность. И действительно, выше мы рассмотрели примеры того, как и в других частях света возникали «вольные общества», политические режимы демократического характера.

Однако ни в одном из этих демократических режимов общество не структурировалось на основе имущественного ценза, как **в Афинах после реформы Солона**, когда только состоятельные люди (пентакосиомедимны, гиппееи и зевгиты) могли занимать полисные должности, притом, что самые высокие должности — архонтов и казначеев — могли занимать только самые богатые — пентакосиомедимны. Что же касается бедняков-фетов, то они могли лишь участвовать в Народных собраниях и судах. Тот же самый процесс (структурирование общества в соответствии с имущественным цензом) наблюдается и **в Древнем Риме после реформ Сервия Туллия**, когда политическая жизнь определялась самыми богатыми людьми (вне зависимости от их принадлежности к патрициям или плебеям, в том случае, если они голосовали солидарно), составлявшими первый разряд (доход не менее 100 тысяч медных ассов), поскольку именно они выставляли большее количество центурий, чем все остальные разряды.

То есть, уникальность европейского пути развития политических систем заключается не просто в их демократичности, а в том, что в этой демократии приоритет предоставляется богатым и состоятельным людям, связанным прежде всего с рынком. Именно эти люди и определяли основное направление развития античного общества и в Классической Греции, и в Республиканском Риме. Именно они противостояли монархической власти, вырождающейся в деспотию, пока могли это делать.

Об этом и писал Л. С. Васильев: «В европейской рыночно-частновладельческой структуре частная собственность и рынок — основа всего, генеральный фундамент процветания общества и государства. Государство здесь служит рынку и частному собственнику, который уважается в высшем качестве гражданина (не подданного!) и как таковой через систему демократии избирает и контролирует органы власти и администрации. Государство в этой системе и не только является представителем интересов класса частных собственников, огражденных многочисленными

правами и привилегиями. Государство не только не навязывает свою волю гражданам, но и, напротив, гарантирует все веками наработанные гражданские права и свободы, в том числе священное право каждого на частную собственность, на выражение индивидуальности, на свободу деятельности в любой избранной им сфере, вне зависимости от того, одобряется это государством или нет (если не иметь в виду сферу криминального)». И далее: «Так вот, ничего подобного никогда не было ни в одной из неевропейских структур. Не было по той простой причине, что структурно не соответствовало тысячелетиями отработанным традиционно-восточным параметрам. Потому что просто не могло появиться — для этого нужна была социальная мутация, что само по себе редкость, результат уникального стечения обстоятельств. Такое случилось в истории только раз — в античности. И хотя эта мутация сыграла решающую роль в истории, определив в итоге судьбы человечества, генеральным путем долгое время был все же традиционный восточный» [Васильев, 1993, с. 153–154].

Социальной мутацией (если хотите, случайностью!) в европейской античности является не «демократический» характер политического режима. Как видим, такое случилось и в других частях света в самые разные времена. Речь идет о структурировании демократического общества в соответствии с имущественным цензом, с приоритетом в отношении богатых. И это действительно уникальное явление в мировой истории, во многом связанное со случайностью⁴. Подводя итоги, современному историческому востоковедению необходимо пересмотреть устоявшиеся концепции, особенно — российскому востоковедению, во многом еще не изжившему родовую печать «советскости».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агларов М. А. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование*

взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. — 290 с. [Aglarov M. A. *Rural Community in Nagorny Sagestan in the 17th–the Beginning of 19th Centuries (Research in the Interconnections of Economy, Social Structures, and Ethnos)*. Makhachkala: IAE DNTs RAN Publ, 2014. — 290 p. (in Russian)].

Васильев Л. С. Традиционный Восток и марксистский социализм. *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М.: Наука. Восточная литература, 1993. С. 143–176 [Vasiliev L. S. *Traditional East and Marxist Socialism. The Structure of Power and Management*. Moscow: Nauka. Vostochnaya Literatura, 1993. Pp. 143–176 (in Russian)].

Васильев Л. С. *История Востока*. Т. 1. М.: Высшая школа, 1998. — 495 с. [Vasiliev L. S. *The History of the East*. Vol. 1. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1998. — 495 p. (in Russian)].

Всемирная история в шести томах. А. О. Чубарьян (гл. ред.) Т. 1. *Древний мир*. М.: Наука, 2011. — 877 с. [World History in Six Volumes. A. O. Chubarian (Ex. ed.). Vol. 1. *Ancient World*. Moscow: Nauka, 2011. — 877 p. (in Russian)].

История Востока в шести томах. Т. 1. *Восток в древности*. М.: Восточная литература, 1997. — 479 с. [The History of the East in Six Volumes. Vol. 1. *The East in the Ancient Rimes*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. — 479 p. (in Russian)].

История Востока в шести томах. Т. 2. *Восток в средние века*. М.: Восточная литература, 1995. — 517 с. [The History of the East in Six Volumes. Vol. 2. *The East in the Middle Ages*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. — 517 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 1. *Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н. э.* М.: Наука. Восточная литература, 2016. — 1012 с. [The History of China from Ancient

⁴ Пожалуй, единственным представителем неевропейских политий античного типа является североафриканский Карфаген, который управлялся олигархией и принадлежал к средиземноморскому кругу античных цивилизаций.

Times to the Beginning of the 21st Century. Vol. 1. The Most Ancient and Ancient History (According to the Archaeological Data). From Paleolith to the 5th Century B. C. Moscow: Nauka. Vostochnaya Literatura, 2016. — 1012 p. (in Russian)].

Новая история стран Азии и Африки. В 3-х ч. Ч. 1. XVI–XIX вв. А. М. Родригес (ред.). М.: Владос, 2017. — 400 с. [*New History of the Countries of*

Asia and Africa. In 3 Parts. P. 1. 16th–19th Centuries. A. M. Rodriguez (Ed.) Moscow: Vlados Publ., 2017. — 400 p. (in Russian)].

Korotaev A. V. Mountains and Democracy: An Introduction. N. N. Kradin, V. A. Lynsha (eds.) *Alternative Pathways to Early Statehood.* Vladivostok: Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Dal'nauka, 1996. Pp. 60–74.